Столыпина, Дурново своим поместьем не занимался (с. 305–306).

Записка, написанная Дурново в феврале 1914 г., оказалась точным внутриполитическим прогнозом. Весьма точно нарисовал он и внешнеполитическую картину. За исключением одного: Пётр Николаевич не учёл особенностей характера Вильгельма II. В сентябре 1913 г. он уже пообещал Австро-Венгрии поддержку в войне против Сербии. В декабре в Константинополь прибыла миссия генерала О. Лимана фон Сандерса, который практически сразу перешёл на турецкую службу и возглавил военную подготовку османской армии. Германия уже контролировала Балтику, теперь она получала ключи от Чёрного моря – два главных торговых пути России оказывались под немецким контролем. Резкое усиление позиций Германии на Балканах и в Османской империи создавало потенциальную угрозу русским интересам в Персии и Средней Азии. Русско-британское соперничество в ближайшей перспективе могло смениться русско-германским. 24 февраля (9 марта) 1914 г. началась антирусская кампания в германской прессе. В июне 1914 г. завершилась реконструкция стратегически важного для Германии Кильского канала. С этого времени Германия стала готова к войне на два фронта. Её противники оказались значительно слабее. Необходим был лишь повод. Сараевское убийство про-

изошло всего несколькими днями ранее. Никто не спрашивал Россию, хочет ли она войны – её поставили перед фактом.

Как и предупреждал Дурново, длительная война резко усиливала революционную угрозу в России. Однако принципиальным новшеством в сравнении с событиями 1905 г. стало то, что новая революция пришла в Россию в тоге «патриотической тревоги». Дурново скончался в полдень 11 сентября 1915 г. от паралича сердца после чтения газет (с. 307–308). В тот день утренние газеты писали о том, что декларация Прогрессивного блока была поддержана на съездах Земского и Городского союзов. Это означало, что в своих антиправительственных настроениях парламентское большинство получало полную поддержку со стороны крупнейших общественных организаций (существовавших, к стати, на казённые субсидии). Пётр Николаевич не мог не знать, что и большинство министров были настроены на сотрудничество с блоком. Оставалось лишь «продать» И.Л. Горемыкина и монарха, которых Дурново отнюдь не считал волевыми натурами. Апокалиптические образы из его знаменитой записки 1914 г. начинали оживать.

Биографическое исследование А.П. Бородина даёт обширный материал и богатую пищу для размышлений. А это всегда было главным достоинством хорошей книги.

Ф.А. Гайда

С. Шаттенберг. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 478 с.

Книга немецкого историка Сюзанны Шаттенберг, немецкое издание которой уже получило положительные отзывы зарубежных историков¹, посвящена жизни и мировосприятию советской технической интеллигенции 1930-х гг. Автор анализирует и социальные характеристики «инженеров нового типа» (их происхождение, образование, быт), однако в центре

её внимания – идеология и дискурс. Ключевые вопросы, на которое пытается дать ответ Шаттенберг, можно сформулировать так: как соотносились идеологические установки инженеров и идеология власти? Существовал ли между ними конфликт? Какие представления сформировались в этой профессиональной группе и почему?

Работа выполнена в Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ (договор № 14.U04.31.0001) под руководством Марио Биаджолли.

Исходя из такой постановки проблемы, автор выбирает в качестве основного источника воспоминания самих инженеров. Предупреждая возможный упрек в опоре на субъективные документы, Шаттенберг признаёт, что именно субъективный мир инженера и интересует её в первую очередь. В начале книги она замечает, что «ввиду недостаточной общительности и отсутствия литературных способностей мемуары инженеров слывут редкостью. Совершенно иначе обстоит дело с мемуарами инженеров в России, где они, пожалуй, написали автобиографий больше, чем представители какой-либо другой профессиональной группы» (с. 34).

В числе недостатков книги рецензенты уже отмечали узость её источниковой базы, которую составили 70 мемуарных свидетельств (14 из них автор признаёт особенно важными), а также речи, газетные и журнальные статьи, т.е. официальный дискурс об инженерах. Книгу открывает глава, посвящённая «старым инженерам», которые неизбежно оказывались в конфликте с новой властью и постепенно уничтожались ею как социальная группа. Далее реконструируется типичный жизненный путь «нового инженера». От описания детства, образования и революционного опыта своих героев автор переходит к анализу их производственных практик в 1930-е гг., характеризуя также материальные условия их работы. Завершает же книгу исследование судеб инженеров в годы «большого террора» 1937–1938 гг.

На протяжении всего повествования Шаттенберг стремится выявить те идеологические параметры, которые объединяли инженеров как социoproфессиональную группу, с одной стороны, и инженеров с властью, – с другой. Несмотря на различия в политических оценках советской власти, считает она, «новые инженеры», получившие образование после революции, были достаточно конформной группой. Хаос и постоянные кризисы в экономике 1930-х гг. сделали из них своего рода «кризисных менеджеров»: «Быть советским инженером означало уметь справиться с любой ситуацией и всегда отыскать выход». Когда же положение оказывалось слишком опасным, они, подобно сталин-

скому режиму, «возлагали ответственность за трудности на отдельных лиц».

Важную роль в осмыслении отношений власти и инженеров играет фигура Г.К. Орджоникидзе, который в период чисток выступал в роли их «защитника». Воспользовавшись официальным портретом «сталинского» Орджоникидзе, инженеры имплантировали в него собственный идеал Серго, не принимавшего участия в чистках (с. 365). Шаттенберг отмечает, что смерть Орджоникидзе стала маркером, отделявшим эпоху «развития социализма» от периода его «грехопадения», царства произвола и беззакония, наступившего после его смерти. Нарком в изображении инженеров служил символом их высоких идеалов, их индустриализационных замыслов и веры в социалистическое будущее. Они отказывались видеть, что незаконные преследования, аресты и расстрелы имели место и до 1937 г. (с. 367). В отличие от Орджоникидзе, Сталин на страницах воспоминаний инженеров появляется значительно реже (с. 368).

Сравнивая официальный дискурс с речью самих инженеров (например, в интервью или в прессе уже в постсоветский период, т.е. в условиях отсутствия цензуры), автор приходит к выводу о том, что серьёзных отличий между ними нет. К похожим выводам другие социальные историки, изучавшие этот период, приходят и относительно рабочих². Так, например, официальная риторика индустриализации была пронизана военными мотивами: промышленность развивали в контексте подготовки к войне, в военных условиях и военными темпами – вывод, который подтверждается множеством источников того времени³. Шаттенберг умело показывает, что и сами «новые инженеры» в своих свидетельствах использовали ту же «военизированную» риторику. Схожие параллели можно обнаружить в дискурсе «покорения природы», характерном для первой половины XX в. «Современный человек» предпочёл природе технику, сделал её объектом восхищения и эстетического вдохновения, и это было характерной чертой мировоззрения инженеров.

Отдельно стоит остановиться на технократической идеологии, которую Шаттенберг обнаруживает как у инженеров,

так и у власти. Эйфория по поводу техники, господствовавшая в советской печати того времени, входила в резонанс с настроениями технической интеллигенции. Новые инженеры, «включая критически настроенных “буржуазных” отпрысков», с готовностью принимали участие в кампаниях по пересмотру норм эксплуатации и технических стандартов. По мнению автора, лишь немногие воспринимали разговоры о «политичности техники» и «большевистских темпах» как дилетантизм. Впрочем, не стоит забывать, что 70 человек, изученных Шаттенберг – всё же слишком небольшая выборка, чтобы на её основании говорить обо всех советских инженерах.

Утверждения Шаттенберг звучат особенно интересно в контексте общеевропейского технократического дискурса межвоенного времени⁴. С конца XIX в. в профессиональных журналах инженеров всё чаще высказываются соображения о нежелательности рыночного («коммерческого») регулирования промышленности. Звучит мнение о необходимости передачи управления экономикой в руки инженеров и об осмысленности плановой организации этого управления. В самом радикальном варианте технократическая идеология предполагала, что любые проблемы общества можно воспринимать как инженерные и решать инженерными методами⁵. Идеи технократии были распространены среди российских инженеров и до революции⁶. Как пишет Л. Грэхэм, «согласно имеющимся историческим свидетельствам, большинство старорежимных инженеров были исполнены энтузиазма по поводу потенциала, который таила в себе плановая социалистическая экономика, и выступали лишь против иррациональных решений, принимавшихся руководством сталинской России»⁷. В таком случае стоит, возможно, говорить не о конформизме советских инженеров 1920–1930-х гг., а о том, что коммунистическая идеология в чём-то была созвучна идеям, распространявшимся среди инженеров независимо от большевиков.

К подобному выводу приходит и Шаттенберг. Задаваясь вопросом, что именно заставило инженеров сотрудничать с большевиками после Октября, она отвечает: «В действительности, как пред-

ставляется, решающее значение имело их преклонение перед техникой, мысль, что теперь-то станет возможно претворить в жизнь все нереализованные планы и владевшие их умами грёзы о высокоиндустриализированной России. Общая мечта инженеров и большевиков об электрифицированной стране и рационально планируемой экономике стала реальностью с появлением... ГОЭЛРО» (с. 74–75). Ниже она продолжает: «Технократические идеи русских инженеров были альфой и омегой их сотрудничества с большевиками» (с. 76). Преклонение перед техникой и строительство социализма идут рука об руку: «Дети старой интеллигенции не менее восторженно поклонялись технике, чем пролетарская молодёжь. Они горели желанием идти по пути строительства социализма вместе со своими сверстниками из рабочих» (с. 156). По мнению Шаттенберг, советской власти удалось завоевать поддержку инженеров во многом благодаря тому, что она связала в их головах социализм с благоговейным отношением к технике.

Несколько раз автор книги использует интересный методологический приём. Она рассматривает отношение инженеров к какому-либо вопросу (например, к существующей власти, или к С. Орджоникидзе, или к стахановскому движению), находит «конформистов» и «диссидентов», а затем ищет те идеологические моменты, которые объединяют тех и других. Один из таких моментов – отношение к труду. Несмотря на противопоставление «старых» и «новых» инженеров, характерное для мемуаров, педалирующих мысль о радикальном разрыве с «тёмным дореволюционным прошлым», автор усматривает значительное сходство в трудовой этике двух этих групп: «Инженеры не обязательно представляли себе индустриализацию как борьбу с природой, но бороться за дальнейшее развитие своих самолётов, машин и производства на своих участках они были готовы неустанно. Среди знакомых нам инженеров... нет ни одного, кто не упомянул бы о вечерах, ночах и выходных днях, которые они добровольно, из любви к делу, проводили за работой» (с. 229).

Другой пример – отношение к стахановцам. Шаттенберг цитирует двух жен-

щин-инженеров: одна из них воспринимала стахановское движение с энтузиазмом, а вторая считала его узаконенной катастрофой. Но несмотря на эту противоположность взглядов, критически настроенная инженер в конечном итоге также стала стахановкой. Шаттенберг резюмирует: «Её отношение к труду, которое сама она считала антистахановским, интегрировалось в стахановское движение, и тем самым – в советское общество» (с. 358). Так политический конформизм оборачивался конформизмом профессиональным⁸.

Острый конфликт между властью и технократической интеллигенцией произошёл во второй половине 1920-х и в начале 1930-х гг. Коммунистическая система допускала преклонение перед техникой, однако функции управления должны были принадлежать не инженерам, а партийной бюрократии. Многие же «старые инженеры» придерживались другого мнения, считая себя «единственными квалифицированными специалистами, способными управлять командной экономикой и разработать или компетентно оценить пятилетний план» (с. 77). Несогласие по этому вопросу оказалось достаточным основанием для того, чтобы организовать кампанию против старой технической интеллигенции и в итоге её уничтожить.

Политизация технических проблем – один из центральных сюжетов, рассмотренных Шаттенберг. Лишь малая часть старорежимных инженеров готова была поддержать здесь большевиков, предпочитая занимать узко профессиональную позицию. В результате «против инженеров как таковых выдвигалось специфическое обвинение в утрате “политической бдительности”. В глазах партийного руководства инженер откатился на дореволюционную стадию развития, занимаясь только техникой и не связывая её с политикой» (с. 373–374). Стахановское движение поставило вопрос об относительности любых чисто «технических» ограничений, и инженеры лишались возможности ссылаться на «объективные» трудности (с. 351). Таким образом, под ударом в

конечном итоге оказывались даже те инженеры, которые пытались акцентировать свою аполитичность.

Безусловно, в работе Шаттенберг можно найти слабые стороны и неточности. Не всегда аргументированными выглядят и выводы. Она, например, утверждает, что идеология преодоления прошлого и создания «нового человека» в мемуарах советских людей во многом заимствована из культуры дореволюционной России, однако никаких доказательств этого не приводится. Тем не менее книга, несомненно, будет полезной для любого, кто занимается историей советской индустриализации и технической интеллигенции.

М.А. Ланкин

Примечания

¹ См. рецензии К. Хэлла, Р. Сартори, Х. Куромии: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2005. Bd. 53. H. 3; *Russian Review*. 2004. Vol. 63, № 4. P. 714–715; *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 863–864.

² *Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999. P. 223, 225; *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. С. 207.

³ *Scott J. Behind the Urals: An American worker in Russian city of steel*. Boston, 1942. P. 5.

⁴ См. об этом: *Maier C.S. Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 5. № 2. 1970. P. 27–61.

⁵ *Layton E.T. Veblen and the Engineers* // *American Quarterly*. Vol. 14. № 1. 1962. P. 66; *Martin-Nielsen J. An Engineers' View of an Ideal Society: The Economic Reforms of C.H. Douglas, 1916–1920* // *Spontaneous Generations*. 2007. № 1. P. 95–109.

⁶ *Balzer H. Engineers: The Rise and Decline of a Social Myth* // *Science and the Soviet Social Order*. Cambridge, Mass, 1990. P. 149.

⁷ *Грэхем Л.* Призрак казненного инженера. СПб., 2000. С. 84.

⁸ Ср.: *Грэхем Л.* Указ. соч. С. 123–124.